

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-53-63

ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНОСТИ КОНЦЕПТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Евгения Кашина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Статья посвящена анализу проблем универсальности концепта прав человека, связанных с разницей интерпретации прав человека в развитых демократиях и развивающихся странах. Автором определено, что дивергенция подходов формируется вокруг дихотомии позитивных и негативных прав и обусловливается тремя типами факторов: культурным, экономическим и фактором мировой политики. Концепция универсальности прав человека рассматривается с позиции цивилизационных исследований. К анализу альтернативных универсальным подходов привлекаются концепции относительного универсализма и умеренного культурного релятивизма. На примере истории создания двух международных пактов по правам человека, их ратификации и функционирования двух профильных комитетов ООН определяется специфика распределения развитых и развивающихся стран в соответствии с их цивилизационными особенностями. Описывается наличие исключений из характерного распределения среди обоих типов стран.

На основании обзора подходов к универсальности прав человека в исламских странах, Азии, Африке, в России и ЦВЕ, Центральной и Латинской Америке подтверждается тезис об их культурно, экономически и исторически обусловленном восприятии прав человека преимущественно как социально-экономических и культурных гарантий. Данная особенность восприятия прав человека развивающихся стран противоречит мейнстримной универсалистской концепции, воспринимающей права человека в соответствии с западной традицией, прежде всего, как политические и гражданские. Хронологически описывается расцвет концепции универсализма, априори провозглашающей демократию и либерализм неотъемлемыми компонентами систем, соблюдающих права человека в их западном понимании. Дана оценка влиянию теории глобального развития С. Кузнеця и У. Росту, сыгравшая свою роль в усилении неравенства и повлиявшая на состояние исторически и культурно значимых для развивающихся стран социально-экономических прав человека.

Ключевые слова: права человека; развивающиеся страны; универсализм; культурный релятивизм; неолиберализм; девелопментализм, неравенство.

На сегодняшний день универсалистский и релятивистский подходы к правам человека, возникшие в годы холодной войны и деколонизации, не отражают весь спектр современных взглядов на проблему. Культурный релятивизм и универсализм представляют собой два полюса трактовок прав человека. Исторически сложившийся во второй половине XX в. спор государств-сторонников позитивных и негативных прав дал основания для разделения и неформальной иерархизации прав человека в международном дискурсе в годы однополярного мироустройства. Однако в настоящее время в риторике официальных лиц государств разных регионов мира продолжает проследиваться своеобразие позиций по вопросам, связанным с соблюдением прав человека. Развивающиеся страны второго и третьего мира, в официальном дискурсе которых универсализм прав человека не отрицается, но подчеркивается неприемлемость нарушения государственного суверенитета в решении правовых проблем, порой выступают оппонентами старых демократий. Разница точек зрения кроется в дифференцированном понимании роли человека и государства обществами с автохтонными традициями и образом жизни в век интенсивной глобализации.

Такая постановка вопроса приводит к проблеме универсальности прав человека для цивилизаций с разными ценностными и социокультурными основаниями. Особенно актуален вопрос сегодня, когда роль многих незападных цивилизаций возрастает, а Китай активно использует дипломатию для популяризации своего подхода к правам человека. В. Н. Меркушев в своем исследовании

составил классификацию подходов и отметил, что универсализм и релятивизм имеют как радикальные, так и умеренные проявления (Меркушев, 2005). Несмотря на то, что радикальный релятивизм дискредитировал себя еще в 1970–1980-е гг., радикальный универсализм представляется столь же несовершенной концепцией. Обе формы имеют свои недостатки, и часть западных универсальных норм не разделяется обществами незападных государств. Радикальный культурный релятивизм стал популярной концепцией в странах Азии и Африки в 1970-х и 1980-х гг. и оправдывал преступления против прав человека культурными особенностями наций. Однако универсализм, распространившийся по всему миру в постбиполярную эпоху, проводит линию ложной иерархизации прав человека, превознося права первого поколения, не уделяя должного внимания механизмам обеспечения прав второго поколения в развивающихся странах. Усугубляет ситуацию с защитой социально-экономических прав распространение парадигм неолиберализма и девелопментализма. В свою очередь, такое положение стимулирует поиск концепций, позволяющих отразить мировое разнообразие и специфику понимания прав человека и их реализации.

Начиная с 2000-х гг., в поиске компромисса между радикальностью универсалистского и релятивистского подходов, некоторыми западными учеными стали разрабатываться концепции относительного универсализма прав человека (*relative universalism*) и умеренного релятивизма. Среди авторов, которые подчеркивают условность универсализма, – Дж. Доннелли, А. Сен, экономисты У. Истерли, Дж. Стиглиц, австралийский историк Роланд Бёрк (2010, 2014 гг.), Мари-Луиза Фрик из университета Инсбрука (2019 г.), профессор Гарварда Майкл Игнатъефф (с 2001 г.), профессор права Парижского института политических исследований Джозеф Перельман (2010 г.), профессор Дэвид Билчитц (*Bilchitz*) из университета Йоханнесбурга (Оксфорд, 2007). На тему догматизма универсальной концепции прав человека и необходимости учета альтернативных взглядов, существующих в планетарном масштабе, писали и отечественные авторы: В. В. Согрин (2016 г.), Е. В. Бакалова (2015 г.), Ф. Б. О. Алиев (2007), О. Г. Карпович (2011), академики Н. Н. Моисеев (1998) и В. С. Стёпин (2004). В исследованиях перечисленных авторов затрагиваются три фактора (проблемы), повлиявших и продолжающих влиять на «неприживаемость» западных стандартов прав человека и объясняющих фактические отклонения от универсалистской парадигмы в их реализации: культурный, экономический и мирополитический.

В первую очередь, претензия на универсальность прав человека входит в противоречие с культурным и цивилизационным многообразием мирового сообщества (Donnelly, 1984: 401; Сунгуров, 2010: 99). Говоря о цивилизациях применительно к правам человека, мы подразумеваем безоценочную категорию, выражающую образ жизни и менталитет того или иного народа, способный придавать поступкам как рациональные, так и иррациональные формы. Понятие цивилизации позволяет охарактеризовать крупные региональные блоки развивающихся стран, которые, в свою очередь, также имеют культурологические различия. На становление цивилизационных основ и «культурно-генетических кодов» макрорегионов и отдельных стран, в том числе секуляризованных западных, сильное влияние оказали религия и сопутствующая ей философская традиция. Самуэль Хантингтон вслед за первопроходцами цивилизационных исследований Н. Я. Данилевским, П. Сорокиным, А. Дж. Тойнби выделил в постбиполярном мире 8 цивилизаций, большинство из которых не являются носителями западных ценностей¹ (Huntington, 1996).

В то же время цивилизационная теория является лишь попыткой построить идеальную модель в анализе дивергенции подходов к правам человека у разных наций, являющейся отражением реального положения дел с соблюдением прав человека в странах мира. Важной остается роль национальных государств, подходы которых могут варьироваться в рамках единой цивилизации (Rehman, 2005; Jacobsen, 2010). Культурологические различия существуют в протестантской, католической и православной ветвях христианства, сосуществующих в рамках одной западной цивилизации, сформировавшей универсальный подход к правам человека для всего мира. Тем резче контраст при исследовании восприятия прав человека и их реализации в цивилизациях с иными социокультурными основаниями. Часто представители незападных цивилизаций ставят свои акценты в решении проблем правозащитной тематики, основываясь на аутентичном понимании личности и других ключевых понятий. Ключевыми в восприятии концепции прав человека являются представления о роли государства и месте человека в социуме, отношениях Бога и человека, равенстве и иерархии, распределении прав и обязанностей, которые у представителей ислама, конфуцианства, христианства и др. религий силь-

¹ К незападным цивилизациям С. Хантингтон относит православно-славянскую, исламскую, индуистскую, конфуцианскую, японскую, латиноамериканскую (впервые отделив ее от западной) и африканскую.

но разнятся, несмотря на универсальность общих положений, закрепленных в международном праве (Комар, 1995: 12).

Во-вторых, проблемы универсальности прав человека в мире рассматриваются в контексте глобального экономического неравенства. Деление мира на центр и периферию согласно И. Валлерстайну создает условия фактического правового неравенства между гражданами развитых и развивающихся стран, рождает вопросы о разнице стандартов потребления. Наличие периферийных стран в мировой системе приводит к усилению миграционных потоков в страны ОЭСР, в которых мигранты потенциально имеют более высокие шансы по реализации своих прав, чем на родине. В ООН получил свое распространение подход к миграции, основанный на необходимости реализации прав человека, тех людей, которые не имеют возможности реализовать свои права в родной стране. Помимо традиционных причин миграции (вооруженных конфликтов и преследований) все чаще причинами миграции становятся социально-экономические причины (бедность, отсутствие доступа к образованию и медицине и др.)¹. О важности экономического фактора свидетельствуют сведения Программы ООН в области развития (ПРООН), согласно которым «пятая часть населения развивающихся стран ложится с чувством голода, четвертая часть не имеет возможности удовлетворить свою потребность в очищенной воде, третья часть живет в условиях ужасающей нищеты», что рождает первостепенную потребность в реализации социально-экономических прав населения, проживающего в беднейших регионах мира².

В таких условиях наиболее актуальными правами для жителей стран глобального юга являются права на еду, на питьевую воду, на достойную жизнь, а гражданские и политические права без внешних стимулов не выходят на первый план, не являясь частью длительно формировавшейся политической традиции. Не менее острой потребностью в реализации социально-экономических прав населения глобального Юга является потребность в жилье. В Индии около половины, в Китае более четверти населения проживают в квартирах без канализационного обеспечения, а большинство жилых помещений в незападных странах не газифицировано (Якунин, 2019: 10–11). Кроме того, пагубно влияет на реализацию прав человека внутренняя экономическая проблема роста неравенства доходов, которая ограничивает доступ к реализации прав для значительной части населения и усиливает избирательность правовых систем развивающихся стран на фоне высокого уровня коррупции. При этом осуществление международной помощи развитых стран развивающимся не оказывает позитивного эффекта на реализацию социально-экономических прав местного населения. Дополнительной проблемой является невозможность прямой защиты прав второго поколения в судах в силу отсутствия формального юридического инструментария (Колотова, 2009: 241).

В-третьих, история формирования международного права по правам человека демонстрирует зависимость содержательного наполнения международно-правовых документов от мировой политики. На протяжении истории универсализм времен Всеобщей декларации прав человека, сменялся дуализмом, рожденным в биполярном мире, и трансформировался в радикальный универсализм однополярного мира. Масштабный сдвиг в артикуляции прав человека в международном праве произошел после массовых преступлений Второй мировой войны и Нюрнбергских судебных процессов 1944 г. Все перечисленные в ВДПЧ пункты были встречены консенсусом в мировом сообществе после победы над фашизмом. Однако биполярный мировой порядок и условия холодной войны усилили скрытые культурно-обусловленные расхождения взглядов на права человека в ходе переговоров по созданию двух международных пактов в 1966 г.

Конкуренция международных пактов «По социально-экономическим и культурным правам» и «По политическим и гражданским правам» была вызвана идеологической и политической борьбой двух разных политико-экономических систем за доминирование повестки в глобальной политике. Фактически каждый из пактов указывает на необходимость защиты обоих блоков прав: как негативных, так и позитивных. Тем не менее, западными странами с либеральной философской традицией был сформулирован отдельный пакт по политическим и гражданским правам, тогда как странами социалистического блока и другими развивающимися странами сначала лоббировалось принятие еди-

¹Migration and human rights. OHCHR website. Mode of access: URL: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/Migration/Pages/MigrationAndHumanRightsIndex.aspx> (accessed: 29.05.2020).

² Права человека: изложение фактов о комитете по экономическим, социальным и культурным правам человека, с. 6. / Сайт Управления верховного комиссара по правам человека ООН. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet16rev.1ru.pdf> (дата обращения: 28.08.2019).

ного документа¹, а позже – пакта по социально-экономическим правам. Пакты, проекты которых обсуждались, начиная с 1954 г. (Human Rights..., 2014: 6), были приняты Генеральной Ассамблеей ООН и открыты для подписания лишь в 1966 г., а ратифицированы в 1976 г. Длительность процесса выработки международных документов по правам человека говорит о сложности и противоречивости взглядов на права человека в масштабе всего мира. Ю. Хабермас отмечает, насколько шатким был консенсус между партиями различной культурной ориентации (Хабермас, 2012: 68).

Обратная тенденция – по сокращению разнообразия подходов к правам человека – стала наблюдаться при возникновении однополярного мира во главе с государством-гегемоном, взявшим на вооружение риторику продвижения прав человека во всем мире. Кармен Гонсалес пишет, что США отставали в плане включенности в международные институты по правам человека, но стали лидировать в данной повестке уже с середины 1970-х гг. (Gonzalez, 2017: 283). В начале 2000-х гг. усиление развивающихся стран повлекло зарождение многополярности и дало почву для повторной регионализации концепции прав человека с акцентом не на биполярность, а на цивилизационное и культурное многообразие. Таким образом, универсализации прав человека в истории XX и XXI вв. периодически сопутствовала контртенденция. Регионализация права и создание региональных организаций в области прав человека закрепила тенденцию к размыванию универсальных стандартов и поддержанию региональной правовой идентичности (Коргашкин, Лукашева, 2010).

Тем не менее, противостояние идеологий и культур времен холодной войны нашло отражение в актуальном и в настоящее время соперничестве органов ООН по правам человека. На базе двух международных пактов были созданы 2 из 10 комитетов ООН по правам человека, которые закрепили дуалистичность мировых подходов к правам человека на институциональном уровне: «Комитет по социальным и экономическим правам», который заработал в 1985 г. и «Комитет по правам человека», функционирующий с 1976 г. Тем самым биполярность подходов к правам человека была закреплена в период своего генезиса на уровне международной организации. Активизация США в вопросах прав человека сказалась на работе профильных комитетов ООН. Советский блок совместно с блоком развивающихся стран проявил меньшую способность к консолидации и добился открытия комитета на десятилетие позже². Однако, наряду с двумя вышеуказанными комитетами, существуют и более «компромиссные» комитеты, которые свидетельствуют об универсальном восприятии ряда прав человека в мире. Одним из подобных примеров является «Комитет по правам ребенка».

Анализ состава членов двух рассматриваемых комитетов ООН по правам человека, отражает мировоззренческие размежевания среди развитых и развивающихся стран. В комитет по экономическим, социальным и культурным правам, призванный защищать позитивные права индивида, по голосованию 1996 г. входили 4 представителя восточноевропейских стран, 5 африканских стран, 3 – западноевропейских (Франции, Испании, Кипра), две представляли Центральную Америку и Монголию³. В совокупности 12 из 15 членов комитета «позитивных прав» представляли развивающиеся страны. В Комитете по правам человека (гражданским и политическим) 6 мест из 15 принадлежали западноевропейским государствам, сопоставимое число членов было у Латинской Америки, которая выделяется среди других незападных цивилизаций в своих подходах (Carassai, 2016), два у Африки, одно у Израиля, одно у государства Восточной Европы. На выборах в комитет по правам человека 2000 г. пропорция изменилась. Западноевропейские государства заместили латиноамериканские и составили в комитете «негативных прав» большинство (Buergenthal, 2001: 345).

Еще одним фактором, подвергающим сомнению безупречность универсального подхода к правам человека, являются разногласия западных стран, отраженные в том числе на примере распределения по комитетам ООН. Не все западные страны являются приверженцами первостепенности негативных прав человека. Эн Дейтон (Anne Deighton) отмечает разницу подходов к правам человека среди развитых стран и на примере споров 1976–1977 гг., в ходе создания Хельсинского Заключительного акта (Human Rights..., 2014: 5–6). Ряд европейских государств является активными сторонниками позитивных прав человека, что на практике воплощается в модели государства всеобщего благоденствия или социального государства (De Shutter, 2015: 123). Гёста-Эспинг Андерсен в своей работе «Три мира капитализма» разделил европейские государства на страны с либеральной, консер-

¹ До обострения политической и идеологической борьбы в биполярном мире, предполагалось создание единого комплексного пакта в продолжение ВДПЧ 1948 г.

² Economic, Social and Cultural Rights Committee. / OHCHR UN website. Mode of access: URL: <https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/cescr/Pages/cescrindex.aspx/> (accessed: 27.08.2019).

³ Resumed organizational session for 1996. Elections, Nominations and Confirmations / United Nations website. URL: <https://www.un.org/documents/ecosoc/docs/1996/e1996-19.htm> (accessed: 29.07.2019).

вативной и социал-демократической моделями, отражающие в себе разницу подходов к социально-экономическим правам в западном мире (Andersen, 1990).

Вопреки существующему мнению о доминировании политических и гражданских прав в западном мире, консервативные европейские государства и страны с сильными социал-демократическими традициями оценивают экономические и социальные права как равные по значимости с политическими и гражданскими. Однако важным отличием старых демократий от развивающихся в реализации социально-экономических прав представляется наличие разных ролей государства в процессе реализации этих прав. Для более социально ориентированных европейских государств, таких как Германия, Австрия, Швеция, реализация социально-экономических прав строится по принципам субсидиарности и самоответственности граждан и характеризуется меньшей зависимостью от государства, чем в развивающихся странах с укоренившимися традициями клиентелизма (Ледях, 2009: 233). Напротив, страны, в культурах которых слабая роль государства является неприемлемой, ратуют за передачу дистрибутивной функции государству, за приоритет социальной стабильности, государственной безопасности и суверенитета над политическими и гражданскими правами индивида, а также за наделение всех граждан в первую очередь социальными и экономическими правами усилиями государства.

Несмотря на дифференциацию европейских подходов необходимо учитывать, что именно британская правовая система оказала значительное влияние на формирование международного права по правам человека (McCorquodale and Gausi, 2016: 53). Понимание под правами человека в первую очередь гражданских и политических прав с игнорированием социально-экономической компоненты характерно для всей англосаксонской правовой традиции. Например, международный билль Бэкетта в Британии вообще не содержит социально-экономической части (Human Rights..., 2014: 33). Отличительной особенностью позиции большинства развивающихся стран, напротив, является нивелирование гражданских и политических прав. Решающую роль в обесценивании негативных прав в развивающихся странах играют понятия дозволенной в обществе степени свободы и обязанностей гражданина (Отюцкий, 2017). Основанные на другой системе ценностей и одобряемые обществом паттерны взаимодействия государства с индивидом являются отражением культурного своеобразия восприятия прав человека развивающимися нациями.

В китайской и исламской цивилизациях, несмотря на универсализацию норм в области прав человека, западный концепт «естественных прав» подвергается критике, а понятие «обязанности гражданина» служат ограничителем в исполнении гражданских и политических прав. Расхождения с западными представлениями особенно ярко представлены в понимании прав человека в мусульманском мире, хотя есть разные позиции в оценке соотношения мусульманского права и ВДПЧ (Сюккяйнен, 2009). Радикальные исламские авторы видят в принятии универсальных прав человека серьезное расхождение с морально-этическими нормами Корана. Отражением подобного видения стало принятие Всеобщей исламской декларации прав человека в 1981 г., Каирской декларации о правах человека в исламе 1991 г., закрепляющих необходимость существования иерархии в исламском обществе. Представители умеренной позиции в исламских обществах в целом не видят противоречий с международными актами, за исключением отдельных деталей. Среди самых острых – вопрос гендерного равенства в браке. Необходимо учитывать, что сближение официальных документов с западными либерально-демократическими стандартами не означает фактическое их принятие. На практике европеизированные стандарты в области права так или иначе испытывают влияние морально-этических норм шариата. Тем не менее, несмотря на противостояние с Западом в вопросе индивидуальных свобод, арабские дипломаты внесли значительный вклад в разработку блока социально-экономических прав в международном праве (Waltz, 2004: 811, 826).

В Азии, конфуцианской и индуистской цивилизациях, общинность, иерархия и доминирование государства над личностью определяют преобладание позитивных прав над негативными в общественном сознании. Понятие права человека в КНР в этом контексте неразрывно связано с экономическим и социальным благополучием, которое, в свою очередь, связано с сильным государством (Чистякова, 2017). В последние годы КНР продвигает свое видение прав человека в структурах ООН путем использования «правозащитной дипломатии». Среди основных прав человека китайские представители называют: 1) право человека на мир и развитие; 2) коллективные права и права большинства; 3) социально-экономические права; 4) подчеркивается первостепенность национального суверенитета над международным правом (Цвык, 2019: 23–24). В Китае декларируется, что права предоставляются человеку государством и не являются врожденными. Китайский менталитет и паттерны взаимодействия государства и индивида не допускают реализации политических и гражданских прав,

если они идут вразрез с интересами государства, общества и коллектива. Превалирование важности поддержания общественного порядка над правами личности в КНР прослеживается на примере регулярного вынесения большого числа приговоров к смертной казни по коррупционным делам и за оборот наркотиков. Существование высшей меры наказания в КНР широко поддерживается китайским обществом. Похожим образом в Индии до сих пор сохранена кастовая система и система обслуживания высших каст низшими «джджмани», несмотря на принятый в 1976 г. «Закон о гражданских правах», запрещающий дискриминацию низших каст (Лукашева, 2010).

В России и странах ЦВЕ отпечаток оставил советский подход к правам человека, акцентирующий внимание на росте человеческого капитала в целом, а не на индивидуальных свободах. Современные постсоветские конституции стран ЦВЕ (Венгрии, Болгарии, Польши) включают в себя положение о социальном государстве. Тем не менее, примечательно, что несмотря на сохранение статуса социального государства, в постсоветское время наблюдается резкое сокращение завоеванных в советские годы позитивных прав. Катализатором подобных изменений в России, странах СНГ и ЦВЕ стали структурные реформы и либеральная экономическая политика национальных элит. Ретроспективно, в странах Варшавского договора права человека понимались через призму марксистского учения. В центре стоял концепт единства частного и общественного интересов, что влекло за собой в конституционном праве единство политических, гражданских и социально-экономических прав, признавался абсолютный приоритет общества над личностью в гармоничном обществе, в котором искоренена эксплуатация человека человеком (Brunner, 1990: 27–28). По Конституции СССР 1977 г., ратифицированной по всем странам соцблока, базовые права, такие как право на жилье, образование, бесплатную медицину, даровались государством. Однако активная распределительная роль при наделении граждан правами предназначалась государству. Отношения человека с государством характеризовались доминированием обязанностей последнего (Грачев, 2018: 9).

В современной России на общественное отношение к правам человека влияет в первую очередь государство и сложившиеся на принципе вотчинности практики управления (Лукашева, 2009: 60). О. В. Захарова, исследовавшая особенности дискурса прав человека в России в 2000-е гг., отмечала, что в дискурсе президента преобладает риторика, в которой реализация группы негативных прав человека связана с угрозами общему благу, а репрессивное государство выступает защитником своих граждан от подобного рода угроз (Захарова, 2016: 82). В то же время на примере современной России можно наблюдать дифференцированное отношение к правам человека. Недавнее эмпирическое исследование американского социолога Теодора Гербера показало, что россияне четко разделяют права человека на два блока: материальные права и либеральные свободы. При этом группы респондентов, выступающие за либеральные свободы, не совпадают с группами, относящимися к правам человека как материальным благам (Gerber, 2017).

В Африке права человека связаны, прежде всего, с вопросами бедности, расизма и колониализма. В первое время деколонизации дискуссий о соблюдении прав человека в бывших колониях не велось. Принятие в 1981 г. 53 государствами континента региональной Африканской хартии прав человека и народов требовало огромных усилий по выработке единой позиции. В целом, на африканском континенте социально-экономические права на воду, еду, лечение, доступ к медикаментам, связанный в том числе с наличием доступа к питьевой воде, образование и жилье вызывали меньше противоречий среди новых независимых государств. Бывшие колонии воспринимали западную концепцию прав человека в качестве идеологического продолжения колониальной политики. Ярким примером отрицательного опыта внедрения политических и гражданских прав стало падение режима апартеида в ЮАР в 1994 г. Получив политические и гражданские права, черное население страны испытало резкое падение экономики, повлекшее трудности в реализации социально-экономических прав граждан, несмотря на их внесение в конституцию (Goldstone, 2006). Результатом реализации прав человека в ЮАР стала политическая и гражданская дискриминация белого населения (в большинстве своем фермеров, вносящих значимый вклад в ВВП) и ущемление социально-экономических прав как черного, так и белого населения (Давидсон, Филатова, 2008). Одним из показателей этого ухудшения в ЮАР является чрезвычайно высокий общий уровень безработицы (29%) и безработицы среди молодежи (58%)¹ в 2019 г.

Некоторые исследователи отмечают, что традиционное африканское общество на своем уровне имеет длительные культурные традиции реализации социально-экономических прав человека путем функционирования общины (Rukooko, 2010: 13, 33). Амартия Сен в своей книге 1999 г. «Раз-

¹ South Africa unemployment rates. Trading economics website. Mode of access: URL: <https://tradingeconomics.com/south-africa/unemployment-rate> (accessed on 29.05.2020).

вите как свобода», рассматривая уровень выживаемости по регионам мира, отмечал парадоксальность того, что продолжительность жизни в беднейших районах Индии и Китая, сравнимых с беднейшими в Африке, выше, чем черного человека в США по причине идеологической маргинализации самой идеи социальной помощи в стране с либеральной моделью социальной политики. С другой стороны, безусловно, очевидны и минусы социально ориентированного подхода к правам человека в Африке, сказывающегося на несменяемости политических режимов. Высокий уровень бедности во многих странах континента ведет к отсутствию условий для свободного выбора. Для бедного и неграмотного населения реализация реальных политических и гражданских прав и свержение эксплуататоров становится настоящим вызовом (White & Perelman, 2010).

В Латинской и Центральной Америке подход к правам человека отличен от универсалистского и универсальность его оспаривается, хотя латиноамериканские государственные деятели являются одними из самых активных разработчиков международного права в этой области. Критика универсализма в регионе сводится к тому, что права человека, отвоеванные в ходе великих буржуазных революций развитых стран, не применялись на территориях колоний. Кроме того, подчеркивается ограниченность ВДПЧ, а также критикуется западный культурный империализм, не приемлющий голосов других культур. Сказывается на вопросе и разочарование в «формальной демократии», сложившейся в латиноамериканских странах. Латиноамериканскую цивилизацию некоторые относят к западной и, тем не менее, она находится на стыке цивилизаций и имеет собственную идентичность, подобно России. Основопологающей в понимании прав человека в регионе является высокая правовая культура в отличие от религиозных и философских оснований концепции в государствах Старого Света. Особенным является кубинский подход, ставящий во главу угла проекты в области образования и здравоохранения. Хотя в своей работе Я. Г. Шемякин отмечает, что многие авторы континента уделяют внимание именно социально-экономическим правам вне зависимости от политической ориентации правительств (Шемякин, 2018: 11).

Универсализация норм по правам человека в мире усилилась в 1990-е гг. на фоне демократизации стран, симпатизировавших бывшему советскому режиму. С построением нового мирового порядка США и страны Северо-Атлантического альянса стали использовать риторику прав человека с целью продвижения демократии в развивающихся странах с использованием международного права и международных организаций (Emerging areas..., 2011: 45). На международной конференции по правам человека 1993 г. генеральный секретарь ООН подтвердил, что демократия наилучшим способом позволяет реализовать права индивида. На женевском саммите, по правам человека и демократии в 2020 г., организуемом международными НКО, риторика не изменилась. Помимо демократии, универсалисты видят преимущества для реализации прав человека в либерализме (Lacatos, 2017). В период установления однополярного мира девелопментализм и неолиберализм окончательно стали ведущими парадигмами среди элит развивающихся стран. Такая динамика не способствовала универсализации и продвижению прав человека.

Неолиберальная парадигма появилась в 1980-х гг. в политике западных стран (Великобритании и США), где права человека понимаются преимущественно как негативные. Параллельно в 1980-х гг. в политике развивающихся стран стали применяться принципы теории глобального развития (Hertel & Winters, 2006). В силу этих двух факторов вопросы успеха в международной торговле, привлечения иностранных инвестиций, роста ВВП и соблюдения прав иностранных инвесторов вышли на первый план по отношению к социально-экономическим правам рядового человека (Сунгуров, 2010: 94). В период с 1983–2001 гг. отмечается резкий рост количества подписанных двусторонних соглашений о защите капиталовложений, базирующихся на принципах свободной торговли и ущемляющих экономические и социальные права населения развивающихся стран в своей формулировке и на практике¹.

Основоположниками влиятельной парадигмы развития, повлиявшей на реализацию прав человека в развивающихся странах и бум заключения двусторонних соглашений, защищающих права иностранных инвесторов, являются Саймон Кузнец и Уолт Ростоу. В своих теориях оба автора исходили из того, что развивающиеся страны находятся на ранних ступенях развития. Согласно теории, правительства должны отдавать приоритет развитию экономики, тогда как реализация прав человека является ее производной. «Кривая Кузнеца» показывала, что прогресс в области прав человека должен наступить естественным образом после достижения порогового уровня доходов (Kuznets et al.,

¹ FDI database / UNCTAD. Mode of access: URL: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/FDI%20Statistics/FDI-Statistics-Bilateral.aspx> (accessed: 12.11.2019).

1955: 3). Другой разработчик девелопментализма – У. Росту утверждал, что на ранних этапах экономического развития не рекомендуется изымать доходы у богатых и направлять их на социальные программы (Rostow, 1991: 6). На практике это означало, что правительства должны были отложить реализацию социальных и экономических прав человека до более поздних стадий развития. Наряду с заключением двусторонних соглашений, в результате рекомендаций экспертов в 1980-е гг. во многих развивающихся странах была введена система плоской шкалы налогообложения, которая значительно усилила рост неравенства и в силу уменьшения доступных государству финансовых ресурсов отразилась на реализации социально-экономических прав (Alston & Reisch, 2019: 231).

Знаменитые критики теории глобального развития и исследователи теории прав человека – Джек Доннелли, Амартия Сен, Уильям Истерли, Джозеф Стиглиц, предлагают другие метрики для измерения понятия развития, а именно – правозащитный подход к развитию (human rights-based approach). Дж. Доннелли и А. Сен настаивают на необходимости ухода от абсолютизации понятия развития и использовании более сбалансированного подхода к концепции прав человека, подразумевающего отказ от тотального доминирования политических и гражданских прав и уважение к социально-экономической защите людей. Экономисты Д. Стиглиц и У. Истерли напоминают о необходимости реализации социально-экономических прав человека. В своих работах 2012 и 2014 гг. они видят в растущем неравенстве признак усугубления проблем с правами человека и ответственность западных стран и западных экспертов. Как следствие, на уровне ООН были предприняты шаги по сглаживанию радикальных проявлений универсализма прав человека и влияния на них девелопментализма. В 2015 г., с учетом необходимости включения социальных и экономических прав, была пересмотрена официальная стратегия мирового развития. «Глобальные цели тысячелетия» ООН 2000 г. сменились «Глобальными целями устойчивого развития» 2015 г., в которых в большей мере учитываются права человека, в том числе социально-экономическое благосостояние беднейших групп.

Таким образом, концепция универсальности прав человека в трактовках западных стран страдает своей цивилизационной ограниченностью и не учитывает специфики формирования представлений о правах человека в развивающихся странах и факторов, сдерживающих универсализацию норм по соблюдению прав человека, хотя наблюдается эволюция к более сбалансированному подходу. Страны мира, придя к консенсусу о необходимости соблюдения прав человека, закрепленных в международном праве, в силу разного социально-экономического и культурного бэкграунда рефлексируют на тему прав человека с точки зрения особенностей локального и исторического контекста. Однако длительная борьба за лидерство в мировой повестке по правам человека привела к устойчивому доминированию западного либерального подхода, уделяющего внимание, прежде всего, негативным правам и свободам: праву на свободу слова, печати, собраний, праву голосовать. Универсализм, приобретающий формы западного культурного империализма, согласно формулировке Дж. Доннелли, демонстрирует свою ориентацию исключительно на демократическую форму правления и либеральные ценности, тогда как эти ценности не всегда соотносятся с разнообразием философских традиций, образом жизни и менталитетом стран остального мира.

Библиографический список

- Грачев, Н. И. (2018) 'Генезис и основное содержание концепции прав человека с позиций цивилизационного подхода', *Вестник Восточно-Сибирской открытой академии*, 27, сс. 1–23. [Grachev, N. I. (2018) 'Genesis and Human Rights concept main content from civilization approach perspective' [Genezis i osnovnoye sodержaniye kontseptsii prav cheloveka s pozitsiy tsivilizatsionnogo podkhoda], *Eastern-Siberian Open Academy Bulletin*, 27, pp. 1–23 (In Russ.)].
- Захарова, О. В. (2016) 'Официальный дискурс прав человека в постсоветской России: от либерализма к патернализму', *Общественные науки и современность*, 2, сс. 82–93. [Zakharova, O. V. (2016) 'Official Human Rights discourse in Post-Soviet Russia: from liberalism to paternalism' [Ofizial'nyi diskurs prav cheloveka v postsovetsoy Rossii: ot liberalisma k paternalizmu], *Social Sciences and Contemporary World*, 2, pp. 82–93. (In Russ.)].
- Карташкин, В. А., Лукашева, Е. А. (2010) 'Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии', *Государство и право*, 7, сс. 37–45. [Kartashkin, V. A., Lukashcheva, E. A. (2010) 'International legal standards of human rights: universalism, regionalism, realities' [Mezhdu-narodno-pravovyye standarty prav che-

- loveka: universalizm, regionalizm, realii], *State and Law*, 7, pp. 37–45. (In Russ.).
- Колотова, Н. В. (2009) ‘Модели защиты социально-экономических прав граждан’ в: *Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов*. Москва: Институт государства и права РАН, сс. 240–246. [Kolotova, N. V. (2009) ‘Models of protecting the socio-economic rights of citizens’ [Modeli zashchity sotsial'no-ekonomicheskikh prav grazhdan] in: *Universal Declaration of Human Rights: Universalism and Diversity of Experiences* [Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: universalizm i mnogoobraziye opytov]. Moscow: Institute of State and Law RAS, pp. 240–246. (In Russ.).
- Комар, Ю. И. (1995) *Демократия и авторитаризм в третьем мире в конце XX в. (концепция Хантингтона и отклики на нее)*. Москва: ИНИОН. [Komar, U. I. (1995) *Democracy and Authoritarianism in the Third World at the End of XX Century (Huntington's concept and its response)* [Demokratiya i avtoritarizm v tret'yem mire v kontse XX v. (kontseptsiya Khantingtona i otkliki na neye)]. Moscow: INION. (In Russ.).
- Ледях, И. А. (2009) ‘О социальном государстве и его политико-правовых истоках’ в: *Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов*. Москва: Институт государства и права РАН, сс. 230–239. [Ledyakh, I. A. (2009) ‘On the social state and its political and legal origins’ [O sotsial'nom gosudarstve i yego politiko-pravovykh istokakh] in: *Universal Declaration of Human Rights: universalism and the diversity of experiences* [Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: universalizm i mnogoobraziye opytov]. Moscow: Institute of State and Law RAS, pp. 230–239 (In Russ.).
- Меркушев, В. Н. (2005) *Права человека в контексте культурных различий: сравнительный анализ современных политологических концепций*. Екатеринбург: Ин-т философии и права УрО РАН. [Merkushev, V. N. (2005) *Human Rights in context of cultural diversity: comparative analysis of modern political concepts* [Prava cheloveka v kontekste kul'turnykh razlichiy: sravnitelinyi analiz sovremennykh politologicheskikh koncepciy]. Ekaterinburg: Institute of Philosophy and Law URO RAN. (In Russ.).
- Отюцкий, Г. П. (2017) ‘Свобода и права человека в культурологическом измерении’, *Социальная политика и социология*, 4, сс. 183–191. [Otutskiy, G. P. (2017) ‘Freedom and Human Rights in the cultural dimension’ [Svoboda i prava cheloveka v kul'turologicheskom izmerenii], *Social politics and sociology*, 4, pp. 183–191. (In Russ.).
- Сунгуров, А. Ю. (2010) ‘Права человека как предмет политической науки и междисциплинарная концепция’, *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 90–105. [Sungurov, A. Yu. (2010) ‘Human rights as a subject of political science and interdisciplinary concept’ [Prava cheloveka kak predmet politicheskoy nauki i mezhdistsiplinarnaya kontseptsiya], *Polis. Political studies*, 6, pp. 90–105. (In Russ.).
- Хабермас, Ю. (2012) ‘Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека’, *Вопросы философии*, 2, сс. 66–80 [Habermas, J. (2012) ‘The human dignity concept and realistic utopia of Human Rights’ [Koncept chelovecheskogo dostoinstva i realisticheskaya utopia prav cheloveka], *Philosophy Issues*, 2, pp. 66–80. (In Russ.).
- Чистякова, А. Н. (2017) ‘Понимание прав человека в КНР’, *Сибирский международный*, 19, сс. 104–114. [Chistyakova, A. N. (2017) ‘Understanding of Human Rights in China’ [Ponimaniye prav cheloveka v KNR], *Siberian International*, 19, pp. 104–114. (In Russ.).
- Шемякин, Я. Г. (2018) ‘Тема прав человека в контексте проблемы идентичности: латиноамериканские подходы’, *Латинская Америка*, 3, сс. 5–19. [Chemyakin, Ya. G. (2018) ‘Human Rights topic in the context of the identity: Latin American approaches’ [Tema prav cheloveka v kontekste problemy identichnosti: latinoamerikanskiye podkhody], *Latin America*, 3, pp. 5–19. (In Russ.).
- Якунин, В. И. (2019) ‘Вызовы мирового неравенства и ценностные альтернативы развития человечества’, *ЭТАП: экономическая теория, анализ и практика*, 1, сс. 7–19. [Yakunin, V. I. (2019) ‘Challenges of world inequality and value alternatives to the development of mankind’ [Vyzovy mirovogo

- neravenstva i tsenostnyye al'ternativy razvitiya chelovechestva], *ETAP: economic theory, analysis and practice*, 1, pp. 7–19. (In Russ.).
- Alston, P. and Reisch, N. (eds.) (2019) *Tax, Inequality, and Human Rights*. Oxford: Oxford University Press.
- Andersen, G.-E. (1990) *The Three World of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
- Brunner, G. (1990) 'The Communist Concept of Civil Rights' in: Brunner G. Before Reforms: Human Rights in the Warsaw Pact States 1971–1988. New York: St. Martin's Press.
- Buergenthal, T. (2001) *The UN Human Rights Committee*. Max-Planck Institute.
- Carassai, S. (2016) 'Development, Dictatorship, and Human Rights during the Cold War in Latin America', *Diplomatic History*, 40 (2), pp. 368–372.
- Donnelly, J. (1984) 'Cultural Relativism and Universal Human Rights', *Human Rights Quarterly*, 6 (4).
- Gerber, Theodore, P. (2017) 'Public Opinion on Human Rights in Putin-Era Russia: Continuities, Changes, and Sources of Variation', *The Journal of Human Rights*, 16(3), pp. 314–331.
- Gonzalez, C. G. (2017) 'Environmental racism, American exceptionalism, and Cold War Human Rights', *Transnational Law & Contemporary Problems*, 26 (2).
- Hertel, T. and Winters, L. (2006) *Poverty and the WTO: impacts of the Doha Development Agenda*. London: Palgrave Macmillan. The World Bank.
- Kuznets, S., Moore, W. E. and Spengler, J. J. (1955) *Economic growth: Brazil, India, Japan*. Durham. N.C.: Duke University Press.
- Lakatos, Istvan (2018) 'Thoughts on Universalism versus Cultural relativism with a special attention on women's rights', *Journal of International and European law*, 1, pp. 6–25.
- Mariager, R., Molin, K. and Brathagen, K. (eds.) (2014) *Human Rights in Europe during the Cold War*. London: Routledge.
- McCorquodale, R and Gauci, J. P. (eds.) (2016) *British Influences on International Law, 1915–2015*. Leiden: Brill.
- Odello, M., Cavandoli, S. (eds.) (2011) *Emerging areas of human rights in the 21st century: the role of the Universal Declaration of Human Rights*. London, New York: Routledge.
- Rostow, W. W. (1991) *The stages of economic growth: a non-communist manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sen, Amartia (1999) *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press.
- Waltz, S. (2004) 'Universal Human Rights: The Contribution of Muslim States', *Human Rights Quarterly*, 26 (4), pp. 811–826.
- White, L. E., Perelman, J. (2010) 'Stones of Hope: Experience and Theory in African Economic and Social Rights Activism' in: White, L. E. and Perelman, J. (eds.) *Stones of Hope: How African Activists Reclaim Human Rights to Challenge Global Poverty*. Stanford: Stanford University Press.

Информация об авторе

Кашина Евгения Александровна – аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: jenny_mt@mail.ru (ORCID: 0000-0002-6017-1069).

Статья принята к печати: 30.06.2020

HUMAN RIGHTS UNIVERSALITY IN THE CONTEXT OF CULTURAL AND POLITICAL DIVERSITY OF THE MODERN WORLD

E. A. Kashina

Lomonosov Moscow State University

Abstract

The article explores the diversity in perception of the human rights concept in developed and developing countries. The author determines that different approaches are formed around the dichotomy of positive and negative rights and are determined by three types of factors: cultural, economic and world politics. The concept of universality of human rights is considered from the perspective of civilizational studies. The analysis

of alternative approaches involves the concept of weak cultural relativism and relative universalism. The specifics of the division of countries in accordance with their civilizational characteristics are shown on the example of the two international covenants on human rights and the functioning of two relevant UN committees.

Based on the review of human rights approaches in several developing regions the thesis about their perception of human rights mainly as socio-economic and cultural guarantees was verified. This perception of the concept contradicts the mainstream universalist one, which perceives human rights primarily as political and civil rights. The author also evaluates the influence of the theory of global development by S. Kuznets and W. Rostow, which played a role in increasing inequality and influenced the state of socio-economic human rights that are historically and culturally significant for developing countries.

Keywords: human rights; developing countries; universalism; cultural relativism; clash of civilizations; neoliberalism; developmentalism; inequality.